

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.74.1>

СПЕЦИФИКА СУФИЙСКОЙ ПРОЗЫ ХОДЖИ АБДАЛЛАХА АНСАРИ: АНАЛИЗ ЖАНРОВ И СТИЛИСТИКИ

Научная статья

Шарипова М.З.^{1,*}¹ Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова, Худжанд, Таджикистан

* Корреспондирующий автор (mutabar-1977[at]mail.ru)

Аннотация

В данной статье анализируются уникальные методы и цели учения Ходжа Абдаллаха Ансари, выдающегося знатока тасаввуфа и мистической философии, в его стремлении привести суфийские воззрения и традиции в соответствие с религиозными нормами и пророческими хадисами. Отмечается, что, хотя многие суфии до него доказывали свои теоретические и практические постулаты, ссылаясь на аяты и хадисы, инициативы Ансари обладали совершенно новой природой. Подчеркивается, что усилия Ансари были направлены на устранение внутренних религиозных противоречий и укрепление духовно-практических основ ислама на фоне социальных разногласий и внешних вызовов со стороны неисламских мировоззрений. Несмотря на строгое следование мистиков Корану и Сунне, внутренние расхождения в понимании мистического мышления обусловили написание многочисленных трактатов об особенностях тариката и переходе от невежества к высокой морали.

Ключевые слова: Ансари, проза, поэзия, суфизм, мистика, таджикско-персидская литература.

SPECIFICITY OF SUFI PROSE OF KHOJA ABDALLAH ANSARI: ANALYSIS OF GENRES AND STYLISTICS

Research article

Sharipova M.Z.^{1,*}¹ Khujand State University, Khujand, Tajikistan

* Corresponding author (mutabar-1977[at]mail.ru)

Abstract

The given article analyzes the unique methods and goals of the teachings of Khwaja Abdullah Ansari, an outstanding expert in tasawwuf and mystical philosophy, in his quest to bring Sufi views and traditions into line with religious norms and prophetic hadiths. It is noted that, although many Sufis before him proved their theoretical and practical postulates by referring to verses and hadiths, Ansari's initiatives were of a completely new nature. It is emphasized that Ansari's efforts were aimed at eliminating internal religious contradictions and strengthening the spiritual and practical foundations of Islam against the backdrop of social discord and external challenges from non-Islamic worldviews. Despite the strict adherence of the mystics to the Quran and Sunnah, internal differences in the understanding of mystical thinking led to the writing of numerous treatises on the peculiarities of tariqa and the transition from ignorance to high morality.

Keywords: Ansari, prose, poetry, Sufism, mysticism, Tajik-Persian literature.

Введение

Ходжа Абдуллах Ансари, обладая огромными познаниями в области тасаввуфа, достаточно глубоко постигший мистическую философию, стремился следовать предписаниям шариата. Методы и цели учения Ходжа Абдаллаха Ансари заключались в достижении согласия суфийских воззрений и традиций с религиозными нормами и принципами, пророческими хадисами, хотя до него множество суфиев прилагали усилия в доказательстве теоретических и практических постулатов посредством ссылок на аяты и хадисы, упоминания преданий, и защищая действия и традиции суфиев, прибегали к мистической интерпретации некоторых коранических аятов и пророческих хадисов, однако инициативы и старания Ходжа Абдаллаха Ансари обладали другой, абсолютно новой природой [9, С. 123], [10, С. 193].

Возникновение и становление мистической литературы, в частности суфийской прозы связано с периодом, когда мистицизм как интеллектуально-духовное течение, сталкивался с неприятием и осуждением различных религиозных школ и традиционного ислама. Нет сомнений в том, что в начале своего становления ирфан (исламский гнозис-М.Ш.) вполне соответствовал тарикату и большинство его представителей продолжали соблюдать важнейшие принципы этого духовного течения, исполняя свои особые обязательства, то есть предписания. В истории начальный период распространения исламской религии связан с периодом религиозного и интеллектуального противостояния, кровопролитных войн и общественных разногласий. Вместе с тем, возникновение политического и социального противоречия среди арабских племен, раздор и противостояние между религиозными течениями и школами стало предпосылкой для возникновения интеллектуальных движений и свободомыслящих обществ [6, С. 30].

Другим фактором возникновения и развития исламской гностической школы является противостояние самостоятельного религиозного учения с неисламским религиозным мировоззрением и защитой истинных духовных идеалов. Другими словами, исламским ученым следовало решить две задачи. Во-первых, доказать состоятельность исламской религии среди других религий, укрепить духовно-практические основы и, во-вторых, устранить существующие внутри религиозные противоречия и антагонизмы. В связи с этим каждая персона или общество,

имеющие религиозный характер, с попытками учредить свой орден и обитель, старались связать свои мировоззрения с исламской сущностью. В итоге это стремление превратилось в несправедливый поиск несовершенства, поверхностного взгляда и отрицания, породившее непримиримый антагонизм и противоречия. Противоречия в социальной среде достигли такого накала, что многие суфии пали жертвами в борьбе против ирфана, в числе которых можно привести в пример судьбу Мансура Халладжа, Айнулкузата Хамадани, Шейха Шахабудина Сухраварди. В период пика интеллектуального противостояния мистиков с их оппонентами, представителями различных школ исламского права, обусловило развитие теоретической школы суфизма. Удивительным был тот факт, что несмотря на то, что мистики превыше всего ставили священный Коран и пророческие хадисы, религиозные предписания и запреты чтили строже всех остальных, даже среди них самих существовало разногласие в сущностном понимании мистического мышления. Это обусловило написание множества книг и трактатов об особенностях тариката, по вопросам отхода от невежества к высокой морали. В этот период мир узнал имена первых суфийских писателей, миссия которых состояла в толковании принципов суфизма и его важнейших вопросов на арабском и персидском языках [7].

1.1. Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили текстовые произведения Ходжи Абдаллаха Ансари, а также труды его современников и предшественников.

Основной корпус материала включает:

– Ключевой прозаический трактат «Кашф аль-асрар», исследуемый в аспекте использования рифмованной прозы (садж).

– Поэтическое наследие Ансари: для анализа отобрано 15 газелей и 20 рубаи, которые являются наиболее репрезентативными с точки зрения отражения его мироучения и стилистического мастерства. Источником послужило академическое издание избранных произведений мыслителя [5].

– Общий объем обработанного фактического материала составляет условно XX страниц текста на персидском языке с последующим анализом переводов и комментариев.

– Вспомогательный материал представлен трудами средневековых агиографов и антологистов (Абдуррахман Джамии, Мухаммад Дорошукх [1], [2]), а также работами современных востоковедов (А. Зарринкуб, С. Нафиси [3], [4], [8]), которые привлекаются для верификации выводов и биографического контекста.

Критерии отбора материала:

1. Аутентичность. Приоритет отдавался текстам, авторство которых не вызывает сомнений и которые интегрированы в собственные прозаические сочинения Ансари, что минимизирует риск работы с апокрифами.

2. Репрезентативность. В выборку вошли произведения разных жанров (мистическая проза, газель, рубаи), что позволяет достичь целостного охвата его творческого наследия и решить поставленные исследовательские задачи.

3. Тематическая значимость. Для анализа отбирались тексты, наиболее ярко раскрывающие центральную тему исследования — специфику синтеза суфийской доктрины и религиозной нормы, а также художественные средства ее выражения.

4. Историко-литературная ценность. Анализу подверглись тексты, признанные ключевыми для понимания эволюции суфийской прозы и поэзии на персидском языке.

Значимость отобранного материала для работы заключается в том, что он позволяет не просто декларировать, но и на конкретных примерах продемонстрировать тезисы о новаторстве Ансари в развитии рифмованной прозы, о структурном и метрическом совершенстве его газелей, а также о его сознательной ориентации на персоязычную аудиторию, что имело фундаментальное значение для популяризации идей суфизма.

1.2. Методология исследования

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный подход, включающий следующие методы:

1. Историко-литературный анализ, позволяющий рассмотреть творчество Ходжи Абдаллаха Ансари в общем контексте развития персидско-таджикской суфийской литературы XI века и выявить его преемственность по отношению к предшественникам (Баба Тахир, Абусаид Абулхайр) и его новаторство.

2. Сравнительно-сопоставительный метод, применяемый для сопоставления стилистических и жанровых особенностей прозаических и поэтических текстов Ансари, а также для проведения параллелей с творчеством других авторов с целью выявления уникальных черт его идиостиля.

3. Текстологический и стилистический анализ, направленный на детальное изучение структуры, жанровых канонов, образной системы, лексики и ритмики его произведений (на примере трактата «Кашф аль-асрар», газелей и рубаи).

4. Историко-культурный подход, дающий возможность интерпретировать творчество Ансари в широком контексте социально-религиозных вызовов эпохи: противостояния мистицизма и традиционного богословия, а также задачи легитимации суфийского пути через его гармонизацию с первоисточниками ислама.

Основные результаты и обсуждение

В истории персидско-таджикской мистической литературы Ходжа Абдаллах Ансари признан одним из первых авторов суфийской прозы на персидском языке, в произведениях которого последовательно и ясно представлена история становления суфизма и исламского мистицизма, сущность мировоззрения суфиев, их речи и жизнеописание. Несмотря на тот факт, что по словам самого Ходжа Абдаллаха Ансари в «Кашфу-л-асрар», ему принадлежит авторство множеств произведений, именно эта книга принесла ему славу и известность в истории мистического мировоззрения и в целом в персидской литературе. Автор «Кашфу-л-махджуб» до того, как стать известным писателем и признанным ученым-мистиком, многие годы был суфием, соблюдавшим все принципы и предписания тариката, испытывавшим на

себе все состояния в семи городах любви к Всевышнему и прошедшим путь духовного возвышения. Это упорство и настойчивость в познании, твердость духа в практическом мистицизме сделали его ярчайшей духовной персоной, множеством раз упоминаемой в мистических антологиях, как мистика, в его совершенстве. Этот факт подтверждается сведениями Абдурахмана Джамии, Мухаммада Дорошукуха, которые упоминают Ходжа Абдаллаха Ансари в своих антологиях [1], [2].

Абдаллах Ансари в истории персидско-таджикской литературы, прежде всего, своим прозаическим наследием выполнил достойную историческую миссию. Эта миссия заключалась в дальнейшем и мощном развитии художественной прозы, в ходе чего в историю прозы вошел лучший из ее жанров — рифмованная проза (настри мусаджа). Это примечательно тем, что период творчества Ансари пришелся на период невероятного расцвета жанра касыды. Не следуя тенденциям времени и оставив без внимания хвалебную касыду, Абдуллах Ансари внес огромный вклад в развитие лирических жанров, в особенности газели, а также рубаи, кытъя, нравственной поэзии. Ансари в совершенстве знал два языка, сочинял изящные и глубокомысленные стихи на арабском языке. Приведем в пример, его газель нравственно-мистической тематики:

Ай, ки ту мағрури бахту давлати фархундай,
 Хоҷаи соҳибсариру мафраши огандай.
 Ё ки хуршеди ба сурат, ё ки Чамшеди ба хусн,
 Ё чу Зӯҳра чеҳра дорӣ, ё чу Маҳ тобандай.
 Ё чу Қайсар ҳаст бар сар тоҷу афсар мар туро,
 Ё ки чун Исои Марям то қиёмат зиндаӣ.
 Ё камолоте, ки гуфтӣ, чумларо дарёфтӣ,
 Ё муродоте, ки чувстӣ, чумларо ёбандай.
 Ё гирифтӣ чун Сикандар мулкати рӯйи замин,
 Ё чу Қорун садҳазорон молу ганҷ огандай.
 Гарчи Шаддодӣ, валекин нестӣ эмин зи марғ,
 Ҳеч кас гуфтаст бо ту, то абад пояндай.
 Осмон чун абри найсон бар ту гирён аст зор,
 Он замон, к-аз азмати худ ҳамчу гул дар хандай.
 Оташи савдои дил то чанд аз ин боди борут,
 Хоки беобиву в-он гаҳ бо димоғи кандай.
 Гар амирӣ, ҳам амирӣ, Пири Ансорӣ, бидон,
 Хоҷагӣ бар ту назебад, сар бинеҳ, чун бандай [5, С. 50].

*/ О, ты, гордящийся счастьем, могуществом велик,
 Ходжа, одетый в богатую одежду и покровы.
 Ты с солнцем схож, или Джамшиду в красоте соперник,
 Ликом, словно Юпитер, или блистаешь словно месяц.
 Или как Цезарь носишь ты венец, войско несметно твое,
 Или как Иисус Марии вечно будет жизнь твоя.
 Совершенство, что ты желал, достиг всего,
 Все цели, что поставил ты, достиг всего.
 Как Искандер завоевал половину мира на земле,
 Как Карун собрал все богатства мира у себя.
 Пусть ты Шаддад, не уйди тебе от смерти никуда,
 Никто не скажет, что будешь вечно жить на этом свете.
 Плачут небеса, дождями проливными, скорбя по тебе,
 Когда смеёшься ты от величия своего, словно раскрывшийся бутон.
 Огню душевных страстей покуда гореть от огненного ветра
 Станешь безводной землей и тогда надменность пройдет твоя.
 Даже если ты эмир, ты эмир, Ансари, знай.
 Не к лицу тебе великая стать, голову склони в смиреннии/*

С другой стороны, образцы газелей Ходжа Абдаллаха Ансари, отвечающие всем критериям этого жанра, являются ясным доказательством традиционной газели IX-XI века, поскольку такой совершенный образец не может возникнуть без основательных предпосылок и лишь в поэзии одного поэта. Можно привести другой образец газели Абдаллаха Ансари. Его мистическая газель, посвященная возлюбленным Истины:

Ай толибе, ки даъвии ишқи Худо кунӣ,
 Дар ғайри Ё назар ба муҳаббат чаро кунӣ?
 Аз чустучӯи халқ ту бегона шав, агар
 Хоҳӣ, ки дил ба Ҳазрати Ҳақ ошно кунӣ.
 Ҳаққо, зи сӯзи ғулгула дар осмон фитад,
 Он дам, ки аз надам ту яке Раббано кунӣ.
 Мулки биҳишт они ту шуд, гар даме зи халқ
 Худро фидои як қадами бенаво кунӣ.
 Як сачда бас, қабули дари Кибриё шавӣ,
 Гар кибро бимониву тарки риё кунӣ.
 Ҳар неъмате, ки ҳаст бар ӯ шуқр кун, валеқ
 Шуқр он бувад, ки аҳди Худоро вафо кунӣ.

Ансориё, чу рӯз шавӣ равшан, ар шабе
 Худро зи аҷз бар дари Субҳон гадо кунӣ [5, С. 43].
*/Ты, претендующий на божественную любовь,
 Зачем, помимо Его любви, глядишь вслед другой.
 Ищи уединения от других, если желанием горюшь.
 Сердце приблизить и душу к Истинному Богу.
 Воистину, от огненного грома на небо попадёт тотчас,
 Твой вздох, когда уста вымолвят: «Наш Господь».
 Райские земли будут твоими, если на миг от мирского
 Сделаешь в уединение один лишь шаг.
 Одного преклонения достаточно, чтобы приняли тебя врата великие.
 Если оставишь гордыню, оставишь лицемерие.
 Доволен будь, чем владеешь, будь благодарен.
 Благодарение — быть преданным Богу.
 Ансари, станешь светлее дня, если однажды ночью,
 От немощи бросишься к дверям Господа восхваляемого!*

Представленная газель обладает всеми жанровыми, структурными и тематическими особенностями, имеет вступление, заключение, бейт с именем автора, количество бейтов [7] соответствует жанровым критериям, присутствует единая тематическая линия и размер. Газель написана в стихотворном размере *музарей мусамман ахраб макфуф махзуф*. В газели имеется определенная рифма и простой редиф. Словарный запас газели относится к газели хорасанского стиля и при сравнении отличается от его прозаических произведений.

Ходжа Абдаллах Ансари обладал талантом в сочинении не только газели, но и в других поэтических жанрах, например, рубаи:

Ай ақл, ки дар Чин часади Фағфурӣ,
 Гар чаҳд кунӣ ту, бандаи мағфурӣ.
 Фарқ аст миёни ману ту бисёре,
 Чун фаҳр кунад палос чун фағфуре [5, С. 152].
*/О, разум, в Китае ты (...словно бездыханное тело Императора)
 Коль сделаешь попытку, станешь прощенным рабом.
 Между мной и тобой различие большое,
 (Будто гордится коврик под ногами, словно он фарфор)*

Или:

Дар роҳи Худо ду Каъба омад ҳосил,
 Як Каъбаи сурат асту як Каъбаи дил.
 То битвони зиёрати дилҳо кун,
 К-афзун зи ҳазор Каъба омад як дил [5, С. 159].
*/На божественном пути воздвиг две Каабы,
 Одна Кааба в облике, другая — в душе.
 Покуда силы есть, паломничество в душу совершай,
 Душа одна ценнее, чем тысячи Кааб!*

В рубаи Ансари выражает собственный взгляд на человеческую душу, сравниваемую по ценности со священным домом, и требующую постоянное внимание и чуткость. Или же в другом рубаи:

Ай шаб, сухане бишнава аз ман ба х(в)ашӣ,
 Бо он ки туро ситуда шоҳи Қурашӣ.
 Хоҳӣ, ки ба ҷойи ман нишинӣ, насазад,
 Бар ҷойи Абӯбакр Билоли Ҳабашӣ [5, С. 159].
*/О, ночь, выслушай речи мои с любезностью,
 С тем, что тебя восхваляет правитель Кураши.
 Хочешь сесть на мое место, не стоит,
 На место Абубакра Билала Хабаши!*

В приведенных нами выше рубаи Ходжа Абдаллах Ансари, в основном, затрагивает социально-духовную тематику. В целом, большинство его рубаи имеют суфийскую тематику:

Масти Туам, аз бодаву ҷом озодам,
 Сайди Туам, аз донаву дом озодам.
 Мақсуди ман аз Каъбаву бутхона Туӣ,
 В-арна, ман аз ин ҳар ду мақом озодам [5, С. 160].
*/Я пьян Тобою, мне в кубке и вине нет нужды,
 Я Твоя добыча, мне в зернах и силке нет нужды.
 В Каабу и храм хожу лишь ради Тебя,
 Иначе в них для меня нет никакой нужды!*

Причины повышенного внимания Ансари к жанру рубаи, равно как и общая простота и доступность суфийской поэзии, были осмыслены профессором Саидом Нафиси. Он подчеркивал, что «особое внимание, уделяемое великими иранскими представителями суфизма персидскому языку, которые исполняли свои предписания в персидской прозе и поэзии, говорит о том, что каковы были предпочтения иранского народа и тех, кто в совершенстве не знал арабский язык. Зачастую они ценили мнение народа выше, чем мнение избранных и предпочитали выражать свои намерения и

цели языком народа». Это указывает на стратегическую ориентацию суфийских мастеров на широкие слои населения через использование родного языка [8, С. 147].

Таким образом, мы смогли вкратце охватить сведения об источниках религиозно-исламского, суфийско-мистического наследия персидско-таджикской мистической поэзии, осуществили обзор многочисленных образцов арабского религиозно-исламского наследия и первых поэтов-мистиков в персидско-таджикской поэзии. Также хотим подчеркнуть, что до периода Ходжа Абдаллаха Ансари в суфийской прозе блистали такие поэты, как Баба Тахир Урьян, Баба Кухи, Ахмад Джами, Шейх Абусаид Абулхайр и другие. Они сочиняли суфийскую поэзию и каждый прославился в разных жанрах, например, Баба Кухи в газели, Баба Тахир в четверостишии, Абусаид Абулхайр в рубаи, Ходжа Абдаллаха Ансари и Ахмад Джами в газели и рубаи. Историческая миссия мистиков-литераторов заключалась в том, что каждый из них вложил в ожерелье того или иного поэтического жанра своеобразную жемчужину истинной, созидательной и вечной любви.

Суфиев и мистиков, сочинявших поэзию и прозу до Абдаллаха Ансари, никто из средневековых исследователей или составителей антологий не называл основоположниками нового художественно-мистического мышления, а лишь упоминают их вклад в какой-либо литературный жанр. Например, профессор Саид Нафиси насчитал в поэзии Абусаида Абулхайра 700 рубаи и 80 газелей, в биографии поэта указываются 10 газелей и 30 рубаи. Или же из 256 газелей, приписываемых Баба Тахиру, некоторые встречаются в поэтических сборниках других поэтов [4].

Особенностью поэтического наследия Ходжи Абдаллаха Ансари является его сравнительно небольшой объем и отсутствие систематизации в форме поэтического дивана. Стихотворные произведения Ансари интегрированы в его трактаты, и их авторство не вызывает сомнений благодаря их непосредственному присутствию в прозаических сочинениях мыслителя.

Заключение

В целом, суфийская поэзия и проза была представлена в большом количестве в интеллектуальную литературу XI века, однако это наследие имеет коллективный характер. То есть, часть суфиев-поэтов преуспела в жанре газели, другая в рубаи, третья в четверостишии, а какой-либо поэт по отдельности не может нести бремя основоположника. В этом смысле А. Зарринкуб отмечает, что «В рамках изучения иранского суфизма и его исследований нельзя оставить без должного внимания творчества указанных поэтов» [3]. Этот вопрос действительно все еще остается без должного исследования и требует научного рассмотрения для внесения ясности в картину возникновения и развития суфийской литературы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Готҳо ё сурудҳои осмонии Зардушт. — Душанбе : Маздоясно, 2000. — 80 с.
2. Дурдонаҳои наср. Намунаҳои насри форсу тоҷик. Асрҳои X–XIII / Муратгибон А. Алимардонов ва диг. — Душанбе : Ирфон, 1987. — Ҷ. 1. — 599 с.
3. Зарринқуб А. Сирри най / А. Зарринқуб. — Техрон, 1358. — Ҷ.1. Нақду шарҳи таҳлилу татбиқи Маснави. — 606 с.
4. Лотман Ю.М. Риторика — механизм смыслопорождения (раздел книги «Внутри мыслящих миров») / Ю.М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург, 2000.
5. Маҷмуаи расоили форсии Хоҷа Абдуллоҳи Ансорӣ / Бо тасҳеҳу муқобалаи се нусха ва муқаддимаи фаҳориси Муҳаммадсарвари Мавлоӣ. — Техрон : Интишороти Тус, 1377. — Ҷ.1. — 427 с.
6. Мусулмонкулов Р. Назарияи адабиёт / Р. Мусулмонкулов. — Душанбе : Маориф, 1990. — 88 с.
7. Мусулмонкулов Р. Саҷъ ва сайри таърихӣ он дар насри форсу тоҷик / Р. Мусулмонкулов. — Душанбе : Ирфон, 1970. — 220 с.
8. Нафисӣ С. Сарчашмаи тасаввуф дар Эрон / С. Нафисӣ. — Техрон, 1343. — 275 с.
9. Шарипова М.З. Исторический экскурс по литературному наследию Хаджи Абдуллаха Ансори / М.З. Шарипова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. — 2017. — № 2 (51). — С. 123–126.
10. Шарипова М.З. Особенности мистической поэзии и прозы Ходжа Абдуллаха Ансари / М.З. Шарипова // Вестник Педагогического университета. — 2022. — № 6–2 (101). — С. 193–198.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gotho yo surudhoi osmonii Zardusht [Gathas or Heavenly Songs of Zarathushtra]. — Dushanbe : Mazdoyasno, 2000. — 80 p. [in Tajik]
2. Durdonahoi nasr. Namunahoi nasri Forsu Tojik. Asrhoi X–XIII [Pearls of Prose. Examples of Persian-Tajik Prose. X–XIII Centuries] / Comp. by A. Alimardonov [et al.]. — Dushanbe : Irfon, 1987. — Vol. 1. — 599 p. [in Tajik]

3. Zarrinkūb A. Sirri nay [The Secret of the Reed-Flute] / A. Zarrinkūb. — Tehran, 1358 [1979/1980 AD]. — Vol. 1. Critical and Analytical-Comparative Commentary on Mathnawi. — 606 p. [in Tajik]
4. Lotman Yu.M. Ritorika – mekhanizm smysloporozhdeniya (razdel knigi "Vnutri myslyashchikh mirov") [Rhetoric – Mechanism of Meaning Generation (section of the book "Within Thinking Worlds")] / Yu.M. Lotman // Semiosfera [Semiosphere]. — St. Petersburg, 2000. [in Russian]
5. Majmuayi rasoili Forsiyi Khoja Abdullohi Ansāri [Collection of Persian Treatises by Khwaja Abdullah Ansari] / With corrections and collation of three copies and an introduction and indices by Mohammadsarvari Mavloyi. — Tehran : Intishoroti Tus, 1377 [1998/1999 AD]. — Vol. 1. — 427 p. [in Tajik]
6. Musulmonqulov R. Nazariyayi adabiyot [Literature Theory] / R. Musulmonqulov. — Dushanbe : Maorif, 1990. — 88 p. [in Tajik]
7. Musulmonqulov R. Saj' va sayri ta'rihii on dar nasri Forsu Tojik [Saj' and its Historical Journey in Persian-Tajik Prose] / R. Musulmonqulov. — Dushanbe : Irfon, 1970. — 220 p. [in Tajik]
8. Nafisi S. Sarchashmayi tasawwuf dar Eron [Sources of Sufism in Iran] / S. Nafisi. — Tehran, 1343 [1964/1965 AD]. — 275 p. [in Tajik]
9. Sharipova M.Z. Istoricheskiy ekskurs po literaturnomu naslediyu Khadzhi Abdullakha Ansari [Historical Excursion into the Literary Heritage of Khwaja Abdullah Ansari] / M.Z. Sharipova // Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanities]. — 2017. — № 2 (51). — P. 123–126. [in Russian]
10. Sharipova M.Z. Osobennosti misticheskoy poezii i prozy Khodzha Abdullakha Ansani [Features of the Mystical Poetry and Prose of Khwaja Abdullah Ansari] / M.Z. Sharipova // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Pedagogical University]. — 2022. — № 6–2 (101). — P. 193–198. [in Russian]